

УДК 338.242.4

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПАТРИОТИЗМ: ПОИСК МИКРО- И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ НА ФОНЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КРИЗИСА

В. А. Максимов

Максимов Вадим Алексеевич, старший преподаватель кафедры экономической теории и национальной экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, maxvad53@yandex.ru

Введение. Методологические предпосылки выделения новой области исследований предполагают возможный категориальный аппарат, уровни анализа, проблемные области знания и междисциплинарную демаркацию. **Теоретический анализ.** Природа экономического патриотизма раскрывается через экономическое поведение как индивидов, так и сообществ и представительной власти. Экономические действия могут быть рациональными в стабильной экономике и иррациональными в период кризиса. Нерациональность основывается на ментальности, включенности в хозяйственный этос и доверии общества к регуляторам. **Результаты.** Идеологические представления и конкретное практическое преломление может быть представлено в виде отношения общества к происходящим событиям в мировой экономике, наносящим ущерб национальным интересам и национальным ценностям, что подтверждается современными и ретроспективными опросами. Экономическая макрополитика обычно делает выбор между протекционизмом и свободной интеграцией в глобальной экономической связи. Протекционизм имеет глубокие исторические корни, акцентируя внимание на защите отечественного предпринимательства. Политика импортозамещения, проводимая Правительством РФ, имеет свои плюсы и минусы. В условиях санкций потенциал патриотической риторики неочевиден и возможно дальнейшее состояние стагнации.

Ключевые слова: символическое значение экономических патриотических действий, микро- и макропринятие решений, национальные ценности и интересы.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-398-402

Введение

Терминологически «экономический патриотизм» представляется как идеологический конструкт, входящий в сознание через специфические фильтры и отражающийся в пристрастных оценках, основанных на ментальности, исторически архетипической ретроспекции и социальной приверженности.

Этимология слова «патриотис» (с др.-греч.) – соотечественник – в привязке со словом «экономический» на индивидуальном (субъектном) уровне может означать: соотнесение себя с хозяйственными образами общества, соответствие или отождествление своих действий с действиями других субъектов, функционирую-

щих в однородном по интересам пространстве. На макроуровне экономический патриотизм проявляется в национальном самосознании, выражающемся в государственной экономической политике и принимающем вырабатываемые властью институционализируемые хозяйственные практики.

Субстанционально экономический патриотизм раскрывается в поведении (экономической активности), устойчивости взаимосвязей и ценностных установках. Мотивация действий покоится на эгоизме и добродетели, справедливости и безопасности (А. Смит). Моральный компонент объясняет и опосредует экономический выбор в дилемме «я-другой». Инстинктивная склонность к обмену компенсирует ограничения в использовании и доступе к ресурсам, что отвечает развитию нации.

Можно ли выделить предметное поле, объясняющее или конкретизирующее экономический патриотизм? Или хотя бы очертить изоморфизм с другими дисциплинарными программами и определить критерии демаркации с ними? Схожесть по признакам и применяемым понятиям просматривается в таких научных направлениях, как поведенческая экономика (сходные дефиниции: мотивы, потребности, ценности), глобалистская экономика (конфликтность, рыночное доминирование, тарифно-санкционное принуждение), экономическая социология (приписывание ролей и норм, патримония власти). В гуманитарных дисциплинах – политологии и психологии – экономический патриотизм рассматривается либо через призму патриотизма вообще, либо через его содержательные черты. О. Дейнека пишет, что это «стремление защитить национального производителя, предпочесть отечественные товары – импортным», и далее: «Экономический патриотизм является ... одним из нематериальных активов конкурентоспособности и стабильности экономики» [1, с. 45]. А. Журавлёв и А. Юревич определяют экономический патриотизм как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы» [2, с. 90].

Теоретический анализ

Категориальный смысл патриотизма, исходя из философских позиций, предстает как символическое отражение реальности, форма познавательной деятельности, особенно выпукло являющей себя в событии и ситуации. Аристотель указывал на эмоциональное состояние индивида, отождествляющего себя с демосом, находящимся в системном напряжении. Символ не просто указывает на другие объекты, а заслоняет и замещает собой нечто иное, недоступную предметность, понять которую можно только через другую предметность (К. Юнг). Приблизительно такое восприятие связано с любым брендом, особенно представляющим страну: «Made in ...», «Сделано в СССР», «Знак качества». Символ – это развернутый знак (А. Лосев), он воплощает в себе не только абстрактное знание, но и конкретное. Понимание символа возможно через его интерпретацию, в нем один смысл – прямой, первичный, означающий одновременно и другой смысл – косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят лишь через первый. Иными словами, смысл может выражаться в разных знаках, значениях, например, известная метафора в монетаристской макроэкономике: «Money matters». Коннотативный смысл может приниматься без объяснения. М. Мамардашвили писал, что у верующего человека возникает символическое пространство, которое отличается от материального пространства человека неверующего: оно организует поведение, обусловленное особым видением мира и выполнением ритуальных действий. На практике такое поведение выражается в почти абсолютном доверии (вследствие события и/или ситуации) к субъекту или представительному органу. В таком значении в России индивидуальный экономический патриотизм олицетворяет фигура президента (по опросам 2016 г., ему доверяли 86% респондентов). Н. Бердяев отмечал (вслед за К. Марксом), что самосознание может искажать действительность (иметь превращенные формы): «...нужно различать мораль символизма и мораль реализма. И нужно признать, что господствует почти всегда мораль символизма, <...> символической моралью полна жизнь государства, жизнь семьи, жизнь светского общества. Вместо реального осуществления добра делают условные знаки его осуществления...» [3, с. 54–55]. В когнитивной концепции поведенческой экономики символ представляет собой эффективное средство ориентации в постоянно возникающих ситуациях неопределенности. В этом ракурсе характерны слова В. И. Ленина, сказанные во время Первой мировой войны: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство националь-

ной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т.е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов» [4, с. 107]. В этих словах – не только двусмысленность политическим идеологом, но и связка патриотизма и поведения.

Содержание природы патриотизма, исходя из индивидуальных черт, корректно представлено в психологических исследованиях, где выделяется особо нормативная составляющая. Подчеркивается, что:

- существует потребность в собственно научном анализе экономического патриотизма;
- познание явления предполагает разброс мнений, спектральность;
- необходимо определиться с экономическим патриотизмом как ценностью, особенно в современной России;
- сущность экономического патриотизма определяется как сложный социально-правовой принцип и морально-психологическое чувство.

Правовой аспект патриотизма выделен во всех редакциях законов и указах Президента РФ о национальной безопасности, раскрывающийся в синонимичных понятиях: национальные интересы и национальные ценности. Патриарх Кирилл, в своем послании на Архиерейском соборе 2000 г. уточнил, что истинный патриотизм – это жертвенность, истинная вера, служение Богу, отечеству и близким (что восходит к деяниям Сергия Радонежского). Православная традиция предполагает такие установки: труд на благо отчизны, забота об устройении народной жизни, народного самопознания и самоуправления.

Результаты

Природа экономического патриотизма может быть рассмотрена через действия, принятие решений (экономическое поведение); теоретически это нерациональное поведение, но в интроспекции, т.е. с позиции субъекта, оно как раз оптимально. О стратегии правительства в стагнирующей или мобилизационной экономике, не поддающейся канонам теории, писал Д. М. Кейнс, подводя итоги Первой мировой войны. Нерациональность основывается на менталитете, хозяйственном этосе и доверии общества к политико-экономическому дизайну. Ситуативное принятие решений регулирующих органов (санкции и анти-санкции в 2014 г.) может привести к несогласованности действий и интересов (в буквальном смысле – доходности) экономических субъектов, и отсюда возможный антагонизм государства и общества, общества и бизнеса, внутри бизнеса. В 2015 г. в большинстве торговых сетей в РФ выставленная

продукция на 40% входила в санкционный список. В 2014 г. Правительство РФ обязало корпорации в исполнении государственного заказа делать закупки у МСБ в размере 10% (в рамках импортозамещения) – в конце 2016 г. отчитались лишь некоторые.

Национальные интересы должны быть чётко прописаны в официальных документах, не подразумеваемая иного толкования, двусмысленности и декларативности. В последней редакции Закона «О национальной безопасности» от 30.12.2015 вообще нет слов об экономическом патриотизме, хотя на сайте Президента РФ заставка содержания акцентировано явление подчёркивает. Причём впервые с 1992 г. национальная безопасность характеризуется как военная безопасность. В контексте экономического патриотизма это означает интерес военно-промышленного комплекса, корпоративный интерес, который может быть настолько гипертрофирован, что будет игнорирован Основным законом (Конституция РФ). Вышеупомянутое постановление правительства не действует из-за отсутствия допуска к производству оборонного заказа.

Методологически предмет экономического патриотизма должен быть сосредоточен на общественных интересах и реализации субъектами своих политико-экономических ролей, структурно значимых для устойчивого развития. В Конституции (ст. 7) выделено, что Российская Федерация является социальным государством, правомочия народа становятся приоритетными, особенно с позиции справедливости и собственности. Их символическая прерогатива в конкретном воплощении заключается в праве на достойный доход и свободную занятость. В западных экономических исследованиях аналитически обосновывается сдвиг в социально-экономической политике государства: в развитых странах в XX в. произошла (буквально) революция в области налогообложения – переход на прогрессивный подоходный налог. Эта мера в какой-то степени ограничивает корпоративное поведение, при котором доходы превышают инвестиции или «прошлое пожирало будущее» [5, с. 494]. Отмечается, что справедливое распределение национального богатства означает «вторичную редакцию» правомочий собственности общества и индивидов.

Формат теории позволяет определиться с местом экономического патриотизма как в дисциплинарных областях, так и в конкретной области знания – экономической безопасности. Данные мониторинга «Ценности и интересы населения России» показывают устойчивый рост индексов опросов в отношении прав на свободу, труд и безопасность (+ 6; 5; 7 п. п.). Показательно, что если в начале 2000-х гг. патриотические установки

поддерживали менее 50% россиян (51,5% бедных и 22,4% богатых), то к 2014 г. наблюдались две волны патриотического всплеска: после Олимпиады в Сочи – у 81% опрошенных, после вхождения Крыма – у 88%. Последние опросы, проведенные Левада-центром, артикулированные, как «Что, по вашему, означает быть патриотом?», дали такие ответы: 68% – любовь к своей стране; 27% – работа (действие) во благо страны; 22% – стремиться к изменению положению дел в стране. Любовь к Родине выражается у россиян амбивалентно (и чувство гордости по отношению к истории и культуре, и чувство стыда/горечи по поводу несовершенства хозяйственного механизма, управления, правил игры). Понятно это предстает как определенная форма – критический патриотизм. Также можно выделить псевдопатриотизм, вербально-официозный, когнитивно-диссонансный, компрадорский, локальный, этнический патриотизм. Особая форма – идеологический патриотизм, маркированный партийными предпочтениями или идейными платформами. ЭП отражается в таких мнениях россиян (по опросу ВЦИОМ-2014, «Кто не является патриотом?»): берёт взятки и дает – 66%; уклоняется от налогов – 63% [2].

Макрооснования экономического патриотизма исходят из теории экономической политики – действия государства, способствующие укреплению нации (общества) на внутренних и международных рынках. Из резолюции ООН по условиям экономической безопасности, мирный дивиденд является залогом прогресса. Механизм обеспечения такого процесса на практике изначально иной: либо запретительная конкуренция, либо протекционизм. Исторически идеологическим оправданием государственных решений стал меркантилизм, политико-экономическое учение, зародившееся в Западной Европе в XV–XVI вв. А. Смит, считающийся поборником free trade, писал, что есть чувства, которые перевешивают этот принцип, – национальное самоуважение. Меркантилисты, по его мнению, настаивали на том, что «оборона важнее благосостояния». В XIX в. Ф. Лист выпускает книгу «Национальная система политической экономии», эпиграфом к которой были слова: «et la patria et l'humanité» – «и отечество, и человечество». В ней он определил, что экономический патриотизм сочетается в личностных и национальных ресурсах, что без него «не достичь высокой степени благосостояния и могущества». А. Маршалл писал, что «патриотизм является более щедрым чувством, чем индивидуализм и более твердым и определенным, чем космополитизм», противостоя тем самым тезису, по которому рынок и конкуренция не признают границ [6, с. 112–113]. В исследованиях экономических историков аргументированно выводится

положение, что мировое лидерство Голландии, Англии и Франции в Новое время достигнуто благодаря политике протекционизма. Российский экономист и политик П. Б. Струве в работе «Торговая политика в России» указывал, что высокие таможенные барьеры и пошлины (до 90%) в США и России последней трети XIX в. позволили этим странам сделать рывок в экономическом развитии [7, с. 26].

Одной из сторон такого развития является политика импортозамещения. В условиях санкций, когда вызов становится осязаемым, правительство прибегает к риторике патриотизма и апеллированию к национальному самосознанию. Обычно эта политика временная, так как несет для нации большие издержки и дополняется (не дополняется) другими мерами. В макрополитике для достижения национальной экономической безопасности в этом случае ориентируются на две модели: латиноамериканскую и восточно-азиатскую [8, с. 75]. В первой акцент делается на реиндустриализацию и увеличение госсектора (свыше 50%), при второй осуществляют экспортно ориентированную стратегию. Считается, что в итоге первая модель ведет к неудаче, вторая – к успеху, но движущей силой обеих являются прямые иностранные инвестиции. Везде негативными моментами становятся ограничение конкуренции и частного спроса государством для поддержки монополий и государственных корпораций. В этом случае у последних появляется тяга к рентоискательству. В США вариантом политики импортозамещения стал закон «О восстановлении и реинвестировании американской экономики» (2009 г.), аналогичный призыву 1930-х гг. «Покупай американское», по которому любой госзаказ исполняется отечественными товарами. Исключение допускается по трем причинам: недоступность или отсутствие национального товара или услуги; ценовая недоступность (внутренние цены выше на 25%); общественная значимость. Успех восточноазиатской модели, наряду с патриотическим ореолом, был достигнут за счет:

- короткого периода политики импортозамещения;
- перехода к экономике знаний;
- государственных инвестиций в R&D;
- «окна возможностей» в период «инновационной паузы» в мире.

В России намерения экономической власти не релевантны собственным действиям. По сути, действует антиимпортное принуждение. У субъектов всех уровней нет заинтересованности в замене зарубежных образцов и поиске отечественных аналогов. Статистические данные по потребительскому рынку РФ только подчеркивают это. Доля импортной продукции составила

в 1993, 1999, 2009 и 2015 гг. – 40%, в 2016 г. (III кв.) – 36%. Если ПИИ в мировой экономике упали на 36%, то в России – на 92% (2015 г.). Норма накопления в стране составила: в 2011 г. – 24%, в 2014 г. – 20%, в 2015 г. – 18%. Экспертный совет при вице-премьере Шувалове в 2015–2016 гг. перманентно возвращался к расширению списка «120», содержащему укрупненную номенклатуру импортного оборудования и комплектующих материалов для крупного бизнеса. Специалисты ЦБ России констатировали, что эконометрические оценки указывают на достаточно ограниченный потенциал импортозамещения в целом.

В середине 2016 г. правительство, судя по вербальным интервенциям, определилось с вектором развития в пользу азиатской модели. Глава МЭР А. Улюкаев утверждал, что за счет упавшего импорта мы компенсировали отрицательный вклад личного потребления, составивший 5,2 п.п. ВВП. Это означает замещение за счет снижения доходов населения [9]. Но ориентация на несырьевой экспорт не имеет перспектив. Чуть позже он же указывал, что торговля из драйвера превратилась в тормоз глобального экономического развития, что на фоне стагнации мирового хозяйства наша продукция никому не нужна.

Таким образом, экономический патриотизм пока не имеет отчетливо особой методологической базы, но как междисциплинарная область приемлем и вполне обозначает формат концепции возможной исследовательской программы.

Список литературы

1. Дейнека О. С. Некоторые акценты современных исследований в отечественной экономической психологии // Экономическая психология : прошлое, настоящее, будущее. Саратов, 2016. Вып. 3 : в 2 ч. Ч. 1. С. 41–48.
2. Журавлёв А. Л., Юревич А. В. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 3. С. 88–98.
3. Веракса А. Символ и знак : диалектика символического познания // Вопр. философии. 2016. № 1. С. 52–58.
4. Ленин В. И. О национальной гордости великороссов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 26. С. 106–110.
5. Пикетти Т. Капитал в XXI веке : пер. с англ. М., 2015. 592 с.
6. Карнышев А. Д. Экономический патриотизм и его этнорегиональные аспекты // Экономическая психология : прошлое, настоящее, будущее. Саратов, 2016. Вып. 3 : в 2 ч. Ч. 2. С. 111–117.
7. Струве П. Б. Торговая политика России. Челябинск, 2007. 306 с.
8. Кравченко Н. А. История импортозамещения // ЭКО. 2015. № 9. С. 73–91.
9. Импорт капут // Эксперт. 2016. № 42. С. 1–3.

Образец для цитирования:

Максимов В. А. Экономический патриотизм: поиск микро- и макроэкономических оснований на фоне современного российского кризиса // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 398–402. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-398-402.

**Economic Patriotism:
Search for Micro- and Macroeconomic Justification
Against the Background of Contemporary Russian Crisis**

V. A. Maximov

Vadim A. Maximov, ORCID 0000-0003-0559-9246, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia, maxvad53@yandex.ru

Introduction. Methodological premise of the selection of a new field of research: possible categorical apparatus, levels of analysis, knowledge and interdisciplinary areas of demarcation.

Theoretical analysis. The nature of economic patriotism is revealed through economic behavior, as individuals, communities and representative Government. Economic activities can be rational in a stable economy and irrational during crisis. Irrationality is based on mentality, inclusion in economic ethos and trust society to regulators. **Results.** Ideological views and specific practical refraction can be represented as a public attitude toward what is happening in the world economy, detrimental to the national interest and national values, as evidenced by the contemporary and retrospective interviews. Economic macro-policies usually makes the choice between protectionism and free integration in the global economic context. Protectionism has deep historical roots, focusing on protection of domestic entrepreneurship. Import substitution policies pursued by the Government of the Russian Federation, has its pros and cons. Under the sanctions, the potential of patriotic rhetoric is not intuitive and perhaps further stagnation.

Key words. The symbolic significance of the patriotic action economic micro and macro decisions, national values and interests.

References

1. Deyneka O. S. Some accents of modern research in native economic psychology. *Ekonomicheskaja psikhologija: proshloe, nastoiashchee, budushee* [Economic psychology: past, present, future]. Saratov, 2016. Iss. 3 : in 2 pt. Pt.1, pp. 41–48 (in Russian).
2. Zhuravlev A. L., Yurevich A.V. Patriotism as an object of psychological research. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2016, vol. 37, no. 3, pp. 88–98 (in Russian).
3. Veraksa A. Symbol and Sign: Dialectics of Symbolic Cognition. *Voprosy filosofii*, 2016, no. 1, pp. 52–58 (in Russian).
4. Lenin V. I. O natsional'noi gordosti velikorossov [Captain of the national pride of Russians]. *Lenin V. I. Complete works*. In 55 vols. 5th ed. Moscow, 1958–1965. Vol. 26, pp. 106–110 (in Russian).
5. Piketti T. *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, 2014. 686 p. (Russ. ed.: Piketti T. Kapital v XXI veke. Moscow, 2014. 592 s.).
6. Karnyshev A. D. Economic patriotism and its ethno-regional aspects. *Ekonomicheskaja psikhologija: proshloe, nastoiashchee, budushee* [Economic psychology: past, present, future]. Saratov, 2016. Iss. 3 : in 2 pt. Pt. 2, pp. 111–117 (in Russian).
7. Struve P. B. *Torgovaia politika Rossii* [Trade policies of Russia]. Chelyabinsk, 2007. 306 p. (in Russian).
8. Kravchenko N. A. Stories of Import Substitution. *EKO* [ECO], 2015, no. 9, pp. 73–91 (in Russian).
9. Import kaput. *Ekspert* [The Expert], 2016, no. 42, pp. 1–3 (in Russian).

Cite this article as:

Maximov V. A. Economic Patriotism: Search for Micro- and Macroeconomic Justification Against the Background of Contemporary Russian Crisis. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 398–402 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-398-402.